

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

УДК 94(564.3)

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-2-291-305

EDN ADLDIL

Оригинальное исследование

Планция Магна Пергская: к проблеме женского эвергетизма в римской Малой Азии

Болгов Н.Н.^{1,2} , Кропочева Т.С.² ¹⁾ Севастопольский государственный университет,

Россия, 299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33;

²⁾ Белгородский государственный национальный исследовательский университет,

Россия, 308007, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: bolgov@bsuedu.ru

Аннотация. В статье впервые в отечественной историографии предпринята попытка дать очерк эвергетической деятельности одной из видных благотворительниц римской Малой Азии – Планции Магны из Перге в Памфилии. Археологический комплекс эллинистических ворот, перестроенный в парадные ворота города Перге – яркий пример деятельности частного благотворителя из небольшого провинциального города времен великого благоденствия (изобилия) II века. Будучи совокупностью самоуправляющихся общин, Римская империя эпохи Антонинов достигла вершины развития античной цивилизации, добившись самого высокого за все античное время уровня жизни граждан городских общин. Эта филантропия дополнялась государством в необходимых случаях, создавая эффективную систему частно-государственного партнерства. Деятельность Планции Магны представляет интерес еще и потому, что это – один из наиболее ярких примеров женского эвергетизма, что поднимает темы не только гендера, но и политико-правовые аспекты, касающиеся возможностей женщин проводить подобную деятельность. Еще одним памятником эвергетиссы является ее мавзолей, воздвигнутый перед парадным въездом в город.

Ключевые слова: Малая Азия, Перге, Памфилия, благотворительность, империя, Планция Магна, благоденствие, гендер

Для цитирования: Болгов Н.Н., Кропочева Т.С. 2025. Планция Магна Пергская: к проблеме женского эвергетизма в римской Малой Азии. *Via in tempore. История. Политология*, 52(2): 291–305. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-291-305. EDN: ADLDIL

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Plancia Magna of Perge: On the Problem of Female Evergetism in Roman Asia Minor

Nikolay N. Bolgov^{1,2} , Tatiana S. Kropocheva² ¹⁾ Sevastopol State University,

33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russia;

²⁾ Belgorod State National Research University,

85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

E-mail: bolgov@bsuedu.ru

Abstract. The article is the first attempt in the Russian historiography to outline evergetic activities of a prominent benefactor of Roman Asia Minor, Plancia Magna from Perga, in Pamphylia. The archaeological

© Болгов Н.Н., Кропочева Т.С., 2025

complex of the Hellenistic gates rebuilt into the ceremonial gates of the city of Perge is a striking example of the activity of a private philanthropist from a small Roman Asian town during the period of great prosperity (abundance) of the 2nd century. As a collection of self-governing communities, the Roman Empire of the Antonine era reached the pinnacle of its development as an ancient civilization, achieving the highest standard of living for urban community citizens in all of ancient times. This philanthropy was supplemented by the state when necessary, creating an effective system of private-public partnership. The activities of Plancia Magna are also of interest because they are among the most striking examples of female evergetism, which raises not only gender issues, but also political and legal aspects concerning women's ability to carry out such activities. Another monument to the evergetissa is her mausoleum erected in front of the ceremonial entrance to the city.

Keywords: Asia Minor, Perge, Pamphylia, charity, empire, Plancia Magna, prosperity, gender

For citation: Bolgov N.N., Kropocheva T.S. 2025. Plancia Magna of Perge: On the Problem of Female Evergetism in Roman Asia Minor. *Via in tempore. History and political science*, 52(2): 291–305 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-291-305. EDN: ADLDIL

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

Введение

В период расцвета Римской империи при Антонинах имел место невиданный ранее по масштабам, но издревле известный в античном мире феномен частной благотворительности (эвергетизм). Хорошо сохранившиеся памятники Малой Азии дают важный материал для раскрытия этой темы. Эта работа была начата нами несколько ранее в отношении крупнейшего ликийского благотворителя Опрамоаса (Опрамая) [Болгов, Славогородская, 2021, с. 285–296].

Город Перге в Памфилии позволяет проанализировать деятельность одной из крупнейших благотворительниц Римского Востока Планции Магны. Ни сама эвергетисса, ни ее общественное строительство еще не были предметом исследования в отечественной историографии, в целом весьма слабо интересовавшейся Римским Востоком времен процветания [Ранович, 1949], в отличие от историографии зарубежной, в которой история общественных щедрот, частной благотворительности уже обозначилась как отдельное направление изучения римской Малой Азии [Zuiderhoek, 2009; Zuiderhoek, 2011; Zuiderhoek, 2020 etc.].

Объект и методы исследования

Объектом исследования является феномен частного эвергетизма в римской городской общине в Малой Азии (Памфилии) на примере деятельности Планции Магны в Перге.

Методами исследования являются метод контент-анализа (анализ содержания источников), историко-биографический, а также сравнительно-исторический.

Результаты и их обсуждение

Город Перге был важнейшим центром Памфилии в римское время [Arena, 2005; Grainger, 2009]; получил титул метрополии в правление Тацита в конце III в. (275–276 гг.), что сделало его ведущим мегаполисом в Памфилии, а Сиде, его сосед-конкурент, занял второе место.

Во II веке в городе продолжали полноценно работать Совет и Народ, которые награждали почестями граждан, гимнасий и ассоциации юношей и эфебов, а также собственные суды [Dmitriev, 2005].

Наивысший расцвет города во II в., отраженный в современном археологическом состоянии памятника [Болгов, 2021, с. 238–244], был в немалой степени связан с частной благотворительной деятельностью, и в наибольшей степени – знатной горожанки Планции Магны, жившей в эпоху Адриана [Boatwright, 2003, p. 13], лично посещавшего город в 123 г.¹ или, возможно, в 130 г.

¹ Маршрут поездок Адриана в 123 г.: Галлия: Немаус – Апта; Испания: Тарракон – Легион; Мавретания – Тингитана? Киренаика – Крит? Памфилия: Сиде – Аспенд – Перге – Атталия; Кипр?

В мировой историографии Планции посвящен ряд работ [Boatwright, 1991, p. 249–272; Saceres-Cerda, 2018, etc.], однако они в своем большинстве затрагивают вопрос о женской правовой и гендерной специфике эвергетизма. Вместе с тем на основе археологических данных и эпиграфики реконструируется строительная программа благотельницы и ее реальный вклад в материальную культуру родного города.

Семья. Планция Магна происходила из видной семьи Планциев. Это была семья ее мужа, присутствие которой в Перге можно точно проследить уже в начале I века. Планции были богатой семьей, которая, как полагают, переехала в Перге, возможно, из Атины в Лации (Италия), во времена поздней Республики в качестве негоциаторов, стремящихся расширить свои деловые операции и изучить новые возможности [Jameson, 1965, p. 55; Saceres-Cerda, 2018, p. 24].

Учитывая, что имя Plancius является уникальным, становится возможным проследить перемещения семьи на Восток, а также их последующее возвращение на Запад. Спустя годы их потомки возвращались в Рим в качестве сенаторов, занимающихся политическими делами, сохраняя при этом свою главную резиденцию и тесную связь с Востоком. Богатство семьи не было основано исключительно на торговых операциях, а росло за счет владения недвижимостью в Перге, а также за пределами города на малоазийской территории. Благодаря своему участию в торговле и владению землей Планции также смогли поднять семью до уровня высшей малоазийской аристократии [Mitchell, 1974, p. 27–39] до такой степени, что в конечном итоге они были приравнены к основателям города в результате их благодеяний, гражданской активности и высокого социального статуса.

По материнской линии Планция, вместе со своим братом и кузенами, были последними известными потомками аристократической династии Иродианов [Wilker, 2008]. Фактически к ней восходили по материнской линии царь Каппадокии Архелай (36 г. до н. э. – 17 г. н. э.), царь Иудеи Ирод Великий и его жена Мариамна. Ее дедушкой и бабушкой по материнской линии были царь Армении Тигран VI (60–63 гг.) и его жена фригийка Опгалли. Ее дядей по материнской линии был князь Гай Юлий Александр Береникиан – в 116 г. он был консулом-суффектом, а в 132–133 гг. – проконсулом провинции Азия; умер в 150 г.; его племянником был мятежник 175 г. в Сирии Авидий Кассий.

Итак, отцом Планции был Марк Планций Вар, римский сенатор, проконсул и губернатор Вифинии во время правления Веспасиана. Ее матерью была принцесса Юлия Иродиана, которая была жрицей и служила в храме богини Артемиды в Перге, самом почитаемом в этом городе. Братом Магны был римский сенатор, консул Гай Планций Вар [Boatwright, 1991, p. 253].

Когда Магна унаследовала родовое поместье своего покойного отца в Галатии, она стала фактически главой своей семьи и в дальнейшем не уступила эту роль никому.

Магна вышла замуж за весьма важного человека сенаторского ранга по имени Гай Юлий Корнут Тертулл, уроженца Перге, который был сыном консула и проконсула; это был консул-суффект 100 г., в 111–114 гг. легат Вифинии-Понта при Плинии Младшем, проконсул Африки 116/117 г. У Планции был единственный сын от Тертулла – Гай Юлий Планций Вар Корнут [Jameson, 1965, p. 54–58].

Из надписей, посвященных ей и ее семье, видно, что Магна, ее отец и брат были очень богатыми и влиятельными гражданами в Перге [Sahin, 1999]. Благодаря щедрости Магны ее отец и брат были почтены вторыми основателями Перге, получив почетный титул ктиста [Sahin, 1996, p. 45–52].

Магна, судя по всему, была отступницей (отказавшейся от своей религии) от иудаизма (к которому принадлежала по матери) и никогда не пыталась оказывать влияние на политику Иудеи или иудейских общин. Планция приняла римскую религию, активной жрицей которой стала. Это принесло ей большие почести при жизни.

Сирия: Антиохия – Евфрат; Каппадокия: Неокесария; Понт: Трапезунд; Вифиния: Никомедия? Фракия [Kritsotakis, 2008, p. 66].

Плантия Магна была одной из самых успешных женщин Малой Азии, способной оказать большое влияние на политику того времени, но также способной заслужить большое уважение у всех своим достойным поведением, мудростью и щедростью [Kearsley, 2005, p. 98–121].

Роль в религиозной и общественной жизни. Важным источником для реконструкции биографии Плантии являются надписи, выполненные на греческом и латинском языке, что отражает достаточно высокий уровень романизации Перге и всей Памфилии (рис. 1).

Рис. 1. Надписи Плантии Магны в Перге [Sahin 1999, № 98, 93] (фото Н.Н. Болгова, январь 2021 г.)
Fig. 1. Inscriptions of Plancia Magna in Perge [Sahin 1999, Nos. 98, 93] (photo by N.N. Bolgov, January 2021)

Именно Плантия председательствовала в Перге в качестве верховной жрицы культа римских императоров (Перге со времен Веспасиана и определенно к середине II в. уже обладал неокорией – привилегией отправлять императорский культ) [Burrell, 2004, p. 175–180]². Символ должности жрицы культа императоров – корона с семью императорскими бюстами, воспроизведенными в короне Гелиогабала. Там, где верховные жрицы и жрецы изображаются как агонифеты и носят на своих коронах императорские портретные бюсты, на коронах как жрецов, так и жриц появляются как мужские, так и женские бюсты, как на короне Плантии Магны Пергской, верховной жрицы Августов [Rumscheid, 2000, S. 30–32].

Возложение короны на статую Плантии Магны служит для обозначения ее статуса жрицы города, а ее вуаль могла быть точным изображением ее наряда. Писатель II века софист Полемон Смирнский (родился в Лаодикие на Лике, учитель Элия Аристида) [Stebnicka, 2015, p. 302–304] описывает свой визит в храм Артемиды в Перге и замечает, что женщины там были полностью скрыты вуалью, что, по-видимому, было местным обычаем.

Около 120 г. Магна, умевшая поддерживать хорошие дипломатические отношения с Римом, воздвигла в Перге ряд статуй, изображающих различных членов императорской семьи, оказывая им большие почести.

² Перге, neokoros со времен Веспасиана, был, вероятно, единственным городом Памфилии, который носил этот титул до середины III в., но не ссылался на этот факт на своих более ранних монетах [Burrell, 2004, p. 181]. Всего Перге удостоивался чести стать неокором шесть раз.

Планция была также пожизненной верховной жрицей Артемиды Пергии [Jones, 1976, p. 231–237], считавшейся Матерью богов в Перге, и «Дочерью города» (возможно, и гимнасиархом) [Boatwright, 1991, p. 250]. Это важное дополнение к ее статусу и гражданской активности.

Надпись, найденная на северной стороне города в честь Планции Магны, отмечает, что она трижды занимала должность демиурга. Булэ, Демос и Герусия Перге удостоили Магну почетного титула демиурга. Человек, носивший этот титул каждый год, давал свое имя тому же году, который таким образом был идентифицирован, подобно Риму через имена консулов. Должность демиурга была высшей официальной должностью в правительстве Перге [Magie, 1950, p. 263]. Этот титул обычно принадлежал мужчинам, и благодаря этому титулу спонсировались местные игры, проводимые в Перге. Ее положение как демиурга в Перге также отмечено надписью на статуе, заказанной одним из ее вольноотпущенников, М. Планцием Варом Александром, найденной на стене, воздвигнутой возле комплекса городских ворот [Edip Ozgur, 2016, p. 57].

Есть два скульптурных изображения, специально установленные Планцией Магной в качестве божеств-покровителей города Перге. Две статуи – самой Планции [Edip Ozgur, 2016, p. 31] (найдена в 1969 г.) (рис. 2) и Вибии Сабины, жены Адриана [Wegner, 1956, S. 84–91], занимают идентичное положение и имеют одинаковый размер. Это проводит прямые параллели между эвергетиссой из Перге и императрицей (статуи последней известны в Малой Азии, например, нижняя часть колоссальной статуи Сабины была найдена в 2007 г. в Сагалассе, Писидия).

Рис. 2. Статуя Планции Магны, Музей Анталы [Caceres-Cerda, 2018, p. 91, fig. 50]

Fig. 2. Statue of Plancia Magna, Antalya Museum [Caceres-Cerda, 2018, p. 91, fig. 50]

Сходство между ее статуями и статуями императрицы Сабины из почетной арки наиболее примечательно. Интересно, что Сабина, жена Адриана и внучатая племянница Траяна, обычно изображалась как молодая женщина с чертами, напоминающими классический и идеализирующий стили.

Стилистический выбор обеих статуй зримо связывал императрицу с местной эвергетиссой, таким образом превращая Планцию Магну в изображение императрицы в Перге.

Эвергетизм. Помимо общественной и религиозной жизни, главной заслугой Планции Магны в отношении родного города была ее благотворительность (эвергетизм), нашедшая отражение в масштабной строительной программе [Boatwright, 1991, p. 254].

Элитная публичная щедрость, то есть дары или пожертвования богатых людей более широкому сообществу, была долговременной чертой полисного общества. Она могла принимать разные формы в разные эпохи истории полиса, но лежащий в ее основе механизм – публичные дары или услуги (материальные или нематериальные) элит, за которые они получали почести и привилегии (материальные или нематериальные) взамен – оставался более или менее тем же самым [Zuiderhoek, 2020, p. 222].

Концепция эвергетизма частично происходит от эллинистических почетных указов, которые воздавали почести людям за их публичную деятельность, известных как эвергесия. Латинский термин *liberalitas*, добродетель свободного даяния, и греческий *φιλοτιμία*, желание почестей, охватывают более широкие коннотации [Zuiderhoek, 2009, p. 6].

Не имея точного древнего эквивалента, современный термин был впервые применен французским историком Андре Буланже в попытке объяснить ожидание гражданского сообщества, что его богатые члены должны были обеспечивать за свой счет общественные расходы и отличия [Veyne, 1990, p. 10].

Эвергетизм позволял людям продвигать себя и свои семьи косвенно, что Эмили Хемельрик объясняет как создание «живой конкуренции за должность среди местной элиты и поддержание социальной иерархии в городе путем легитимации власти, авторитета и престижа элиты» [Hemelrijk, 2006, p. 88].

Личные достижения, которых добивались граждане полиса, используя свое богатство, играли большую роль в определении их ролей и гражданского признания. Свободнорожденная элита автоматически несла ответственность за распределение своего богатства, предоставляя большие зрелища или участвуя в системе патрон – клиент [Veyne, 1990, p. 4].

Чаще всего можно было организовать общественные работы, которые могли касаться как новых зданий, так и реконструкции или восстановления старых, а также добавления украшений, таких как статуи и украшения, к существующим зданиям.

Члены элиты использовали любую возможность, чтобы продемонстрировать свое богатство в попытке улучшить свое социальное положение, напомнить другим о своем богатстве или просто подтвердить свой статус в городе [Boatwright, 1993, p. 192]. Эти дорогостоящие начинания варьировались от дорогостоящих архитектурных программ, таких как нимфейоны и театры, до предоставления ресурсов, таких как масло и еда, своим согражданам.

Обоснование благотворительности и заказа общественных работ может быть сложным. Хотя могло быть несколько итераций эвергетизма, таких как небольшие завещания денег частным коллегиям или даже те, которые император делал городу, Пол Вейн и Арья Зейдерхук выделяют доминирующий общественно-политический компонент.

Благотворительность в период Высокой империи обычно стала представлять собой идеологический обмен между богатым гражданином и его или ее городом через публичный политический акт, в котором устанавливались почести, но это также намекало на целевую политическую повестку дня. Эти политически мотивированные благодеяния объясняют влияние частного эвергетизма в I–III вв. в Римской империи [Zuiderhoek, 2009, p. 9].

В греческих городах империи, особенно в полисах римской Малой Азии, благотворители все чаще стали включать определенные группы неграждан, проживающих в полисе, наряду с гражданами, в качестве бенефициаров своей щедрости, например, путем распределения масла,

вина, зерна или денег среди таких групп, а также среди граждан, или путем приглашения их на пиры; некоторые из наиболее часто засвидетельствованных среди этих неграждан были группами постоянных жителей-чужеземцев, которые в основном жили в поместьях на сельских территориях полисов. Пример Менодоры в соседнем с Перге городе Силлий в той же Памфилии показывает, что благотворители постепенно начали распространять свою помощь как на группы ниже уровня граждан, так и на сельские районы полиса [Zuiderhoek, 2020, p. 235].

Все чаще в период империи мы видим, как представители полисной элиты на Востоке действуют как благотворители более чем одного полиса, делая благодеяния своей родной общине, а также ряду других полисов.

Строительная программа. Эллинистический комплекс ворот Планции Магны. Будучи одним из трех оборонительных воротных сооружений для Перге в III–II вв. до н.э., монументальный южный вход в город приобрел новую функциональную роль в период расцвета римской власти в Памфилии. Эти ворота были обращены к побережью, которое было ближе и более уязвимо для возможных иностранных захватчиков. Как только регион перешел в более мирный период под властью римлян, необходимость в оборонительных сооружениях уменьшилась.

Этот эллинистический южный вход был отремонтирован в начале II в. под руководством Планции Магны, которая превратила его в сложный символ статуса города. Хотя это сооружение больше не использовалось строго для защиты от захватчиков, оно превратилось в особый вход в город, который служил для отражения величия и статуса.

Археологический контекст. Городской комплекс ворот в Перге состоит из трех основных частей. Сначала посетители подходили к двум круглым башням, проходили по узкому короткому коридору, который открывался во двор в форме подковы, а затем проходили под аркой, чтобы наконец ступить на территорию города [Baybo, 2015, p. 37–39].

А.М. Мансель инициировал раскопки около южного входа в 1946 г. и работал в этом районе до конца 1960-х гг. [Edip Ozgur, 2016, p. 26]. Последующие археологические работы были проведены Х. Лотером в 1972 г., а затем Халуком Аббасоглу, В. Мартини [Martini, 2003, S. 12–78] и Сельмой Булгуру в 1990-х гг. [Bulgurlu, 1999]. В конце XX – начале XXI в. Сенсер Шахин провел обширный анализ эпиграфических находок, полученных в ходе многочисленных раскопок на этом месте [Sahin, 1999; Sahin, 2004].

Первоначальные башни и часть западной стены были отнесены к эллинистическому периоду, III в. до н.э. Изначально двор был круглым в плане, а стены не были выровнены с башнями, что предполагает более позднюю интеграцию. Функционируя как более поздние дополнения, стены, возможно, датируются самыми ранними годами, когда Перге уже находился под римским контролем в начале I века н.э. В третьей и последней фазе, датируемой началом II в. в начале периода Адриана, двор был облицован мрамором и украшен множеством статуй, в которых он стал выдающимся сооружением и символом. Подковообразная форма была создана с добавлением почетной тройной арки. Именно в течение этой третьей фазы в ходе масштабной реконструкции эллинистического комплекса ворот 119–122 гг. Планция Магна заказала и реализовала свою программу реконструкции городских ворот [Edip Ozgur, 2016, p. 41–46].

Для понимания замысла Планции Магны при проектировании и заказе реконструкции комплекса городских ворот решающее значение имеет архитектурный и археологический анализ комплекса. Во время реконструкции мощеные стены овального двора были перестроены, что изменило его план, сделав его похожим на форму подковы. Некогда высокие стены периметра также были укорочены до 11 м. Внутри двора неправильной формы находились два уровня ниш для статуй, глубиной менее 1 м каждая.

На первом и втором уровнях находилось по 14 статуй каждая, в общей сложности 28, которые были размещены в соответствии с программой Планции Магны. Стены были облицованы мрамором и украшены коринфским колонным фасадом, напоминающим scaenae frons, римское сценическое здание. Этот тип фасада «символизировал богатство и вкус во всей Римской империи во II в. [и был] повторен в реконструкции городских ворот в Сиде в конце

II в., примерно в 50 км к востоку от Перге» [Abbasoğlu, 2001, p. 177; Caceres-Cerda, 2018, p. 32]. Пьедесталы, которые когда-то поддерживали коринфские колонны, были прикреплены к мраморным стенам. Первоначальный размер ниш, ближайших к башням, был изменен во время серии реконструкций II в. Ниши на нижнем уровне – прямоугольные с закругленными верхушками, в то время как ниши второго уровня прямоугольные, но чередуются между прямыми и арочными перемычками.

Восстановление некоторых оснований статуй с надписями на месте раскопок указывает на то, что в нижних нишах, скорее всего, когда-то находились статуи олимпийских богов. С другой стороны, во втором ярусе находились статуи легендарных основателей и благодетелей города. Это позволяет проследить генеалогические основания города и его культурно-идеологический контекст (рис. 3).

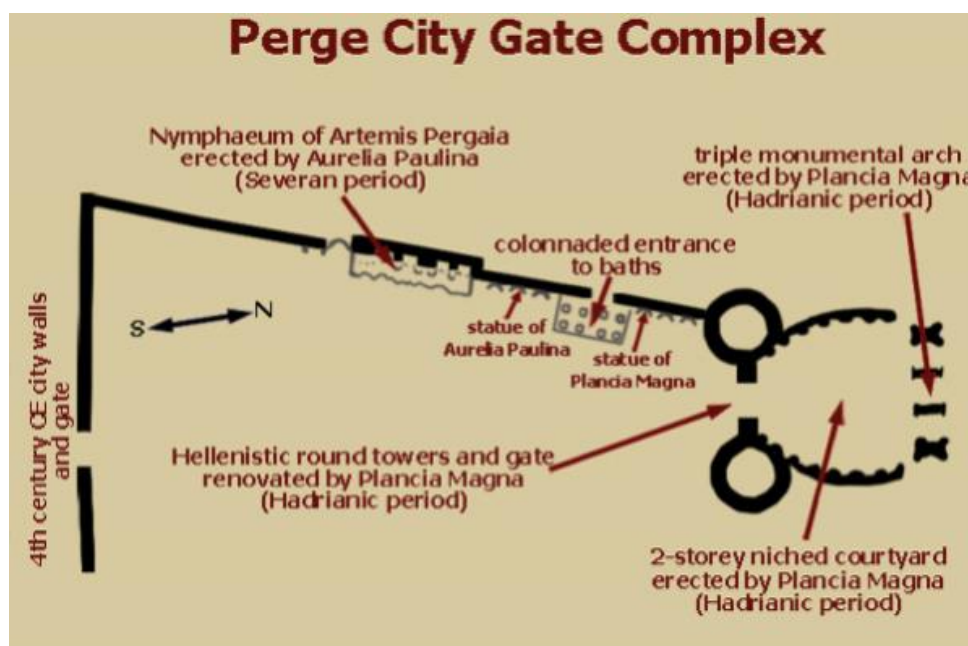

Рис. 3. Комплекс городских ворот Перге [Caceres-Cerda, 2018, p. 70, fig. 8]
Fig. 3. Perge city gate complex [Caceres-Cerda, 2018, p. 70, fig. 8]

Раскопки 1953 г. открыли материалы, датируемые 120/121 гг., а восстановление надписанных оснований статуй идентифицирует некоторых легендарных основателей, упомянутых Страбоном и Геродотом, таких как Мопс, Калхас и Леонтей, и таким образом подтверждает мифологическую традицию о прибытии ахейцев в Памфилию.

В эту группу были включены отец и брат Планции Магны, которые также названы основателями, но в современном смысле. Включение М. Планция Вара и К. Планция Вара в число основателей подтверждало элитный статус семьи, способствовавшей росту и успеху Перге, что, конечно, было сделано Планцией. Фактически статуй этой группы легендарных основателей и благодетелей обнаружено не было, но эпиграфические свидетельства на базах статуй позволяют реконструировать и понять личности этих людей.

Почетная тройная арка была возведена в 22 м к северу от башен прямо в конце двора. С точки зрения архитектуры это можно было бы считать визуальным препятствием для обзора города со двора, однако ее положение в конце двора позволяло ей обрамлять въезд в Перге. Тройная арка была сделана из местного известняка и облицована импортным мрамором, чтобы дополнить материалы декоративного двора. Она была шириной 9,1 м, а при длине 20 м превосходила ширину двора и почти равнялась его глубине. Поскольку она обрамляла въезд в город, арка возвышалась на вымощенной мрамором платформе, доступ к которой со двора осуществлялся посредством широкого пролета из четырех ступеней.

Основания арки позволяют нам отметить ее точное местоположение. Два внешних пилона были толстыми по сравнению с двумя внутренними более тонкими пилонами, которые создавали арки разных размеров (шириной 3,4 м и 2,5 м соответственно). Спереди и сзади средних пилонов находились две колонны на свободно стоящих пьедесталах. Хотя это было необычное расположение, эти свободно стоящие элементы параллельны современным аркам в честь Адриана, например, в Атталии и Афинах.

Фрагментарные блоки для двух *tabulae ansatae*, табличек с ручками, были найдены в дверных проемах ворот, что подтвердило благодеяние Планции Магны городу. Большие латинские и греческие печатные буквы сообщали, что Планция Магна посвятила арку и, по сути, всю реконструкцию комплекса городских ворот своему городу.

Остатки мраморного декора позволили определить, что это была двухъярусная почетная арка. Четыре пилон указывают на тройную арку с большими внешними пилонами, оборудованными эдикулами спереди и сзади, и нишами по бокам для статуй.

Скульптурная и эпиграфическая программа. Прежде всего Планция отремонтировала большие круглые башни, которые уже находились по сторонам главных ворот города. Затем внутри этой конструкции она создала овальный двор с добавлением стен, повторяющих те же изгибы, в результате чего здание стало двухэтажным. Она приказала полностью покрыть фасад здания мрамором и сделать ниши для статуй (по 14 с каждой стороны), перед которым она воздвигла два уровня коринфских колонн, производивших впечатление декорации римского театра.

Фактически все нижние ниши содержали большие статуи божеств, а на верхнем этаже располагались небольшие статуи мифологических персонажей, помещенных вместе с некоторыми историческими личностями. На основании каждой статуи было написано посвящение Планции Магне как дарителю работ и обозначение персонажей статуй. В верхнем регистре были изображены, среди прочих, названные по именам ктисты («основатели городов»), и среди них она поместила Марка Планция Вара и его сына Гая Планция Вара, названных одновременно «отцом Планции Магны» и «братом Планции Магны».

Планция Магна установила на арке статуи Дианы Пергенсис, божества Перге, а также статуи императоров и членов императорской семьи – Августа, Нервы, Траяна, Адриана, Матидии, Плотины и Сабины [Wegner, 1956], которые были идентифицированы по двуязычным надписям.

С. Шахин предполагает, что божества были первоначально размещены в нижних нишах задолго до реконструкции Планции Магны и были перемещены в верхние ниши, чтобы присоединиться к легендарным основателям, во время крупной реконструкции. Он также выдвигает гипотезу о включении в иконографическую программу комплекса семи основателей римского происхождения [Sahin, 1999].

Помимо самой Планции Магны, ее отца и брата, среди скульптурных изображений были представлены Корнуты, видная пергейская семья, связанная с Планциями через брак, такие как Гай Юлий Корнут Тертулл, Гай Юлий Планций Вар, Гай Рутилий Планций Вар.

М. Боутрайт особо отметила включение олимпийских божеств в скульптурную программу Планции Магны, хотя это могло быть результатом зависимости от анализов Манселя и Шахина [Caceres-Cerda, 2018, p. 36].

В архитравах, в нишах пилонов и на вершине тройной арки стояли статуи как живых, так и умерших членов императорской семьи. Весьма любопытно, что большинство членов императорской семьи – женщины. Выделяется две группы статуй: связанная с современным императором и его семьей и предыдущих.

Артемиде Пергея, эпонимное божество города, и Тюхе, дух-покровитель города, также были представлены статуями среди членов римской императорской семьи.

Арка в своих репрезентациях в целом делала акцент на установлении связи города с императорской семьей, в частности, арка не была посвящена ни Риму, ни собственно императорской семье, а скорее своему городу Перге.

Отличительные черты оснований статуй, найденных на месте, помогают датировать памятник периодом между 119–122 гг. Во-первых, номенклатура, выбранная для женщин-членов императорской семьи, устанавливает датировку периодом после смерти Траяна и до смерти Плотины. Другим хронологическим фактором стала база статуи Адриана, на которой указана его трибунская власть, что датирует эту статую 121 г.

Сабина могла сопровождать Адриана во время его путешествий на греческий Восток в 128–133 гг. [Kritsotakis, 2008, p. 64–71], и ее статуя могла быть воздвигнута в рамках подготовки к визиту Адриана в Перге. Его первый визит в Памфилию датируют обычно 122/123 гг., но затем император не возвращался в этот регион вплоть до примерно 129–131 гг. [Birley, 2003, p. 425–441]. Это дает объяснение реконструкции Планции Магны в начале 120-х гг. и включения основания статуи Сабины в современную номенклатуру Августов в попытке подготовить Перге к визиту Адриана.

Надписи, найденные на основаниях статуй Планции Магны за пределами комплекса ворот, двора и оснований арок, а также посвятельная надпись на арке резко отличаются от типичных почетных надписей, найденных по всей империи, которые обычно изображали матронный и добродетельный образ благодетельниц. Греческие надписи за пределами комплекса ворот идентифицировали Планцию прежде всего как дочь М. Планция Вара, поскольку они были возведены булэ и демосом, но признавали ее особое положение в городе как независимого члена, не умаляя ее роли как выдающейся благодетельницы и женщины.

Большинство надписей Планции двуязычны. На Востоке в письменных ландшафтах городов доминировал греческий язык, но латынь также появлялась с некоторой частотой, особенно в местах, где ожидалась большая римская аудитория, таких как крупные города и римские колонии [Gatzke, 2020, p. 385–396].

Театр. Планции Магне приписывают строительство театра в связи с тем, что ее статуя была найдена в диазоме, т. е. в кольцевом коридоре, предназначенном для движения зрителей, что обычно делалось для благотворителей. Строительство здания относится к периоду между царствованием Адриана и Антонина Пия; датировка установлена на основе архитектурного стиля, но прежде всего благодаря находке некоторых деталей эпохи Адриана [Edip Ozgur, 2016, p. 58–87].

Мавзолей. После смерти Планция Магна была похоронена в ступенчатой гробнице-мавзолее, расположенной справа от эллинистических ворот, у входа в город [Baybo, 2015, p. 36]. От него сохранилось основание в несколько ступеней высотой (рис. 4).

Специфика женского эвергетизма Планции. Планция Магна является исключительной эвергетиссой в Малой Азии, да и во всей империи. В этой связи возникает вопрос о соотношении ее личной деятельности и роли ее семьи, а также собственно гендерный аспект [Boatwright, 1991, p. 242].

В имеющихся археологических и эпиграфических материалах нет прямых указаний на пропаганду, направленную на возвышение членов семьи Планции в их стремлении к политической должности, авторитету или продвижению ее семьи. Представляется, что включение ее отца и брата в ряды ктистов было преднамеренной попыткой подтвердить ее собственный личный статус как элитного члена города. Они были включены в ряды ктистов не потому, что считались фактическими основателями города, а скорее потому, что получили этот титул за свои заслуги и благодеяния городу. Также нет никаких упоминаний о муже или сыне Планции Магны где-либо в пределах комплекса ворот.

Ни одно из имеющихся в настоящее время свидетельств не указывает на то, каким образом Планция получила свое богатство, что позволило ей заказать реконструкцию комплекса эллинистических ворот.

Еще более впечатляющим обстоятельством является то, что Планция была единственной женщиной-демиургом Перге. Это не только подчеркивает необычайные достоинства Планции в городе как авторитетной женщины, но и подчеркивает, что это было сделано без сильного влияния ее престижного происхождения и родства. Очевидно, что головы ее статуй были, безусловно, не реалистическими, а в высшей степени идеализированными.

Рис. 4. Мавзолей Планции Магны в Перге (фото Н.Н. Болгова, январь 2021 г.).

Fig. 4. Mausoleum of Plancia Magna in Perge (photo by N.N. Bolgov, January 2021).

Несмотря на то, что Планция Магна могла быть среднего возраста во время своего благодеяния (согласно предположению М. Боутрайт, на момент благодеяния Планции было около 20 лет) и эти статуи были возведены намного позднее того, как она ввела в эксплуатацию комплекс ворот, на этих статуях нет никаких указаний на ее возраст, кроме как на молодость [Saceres-Cerda, 2018, p. 59].

Расположение ее статуй, ее визуальное сходство со статуей Сабины, ее реконструкция комплекса городских ворот, многочисленные надписи, упоминающие Планцию Магну, и возведение почетной арки – все это были стратегические решения, принятые для того, чтобы обозначить ранг и высокий статус Планции среди элиты Перге.

Женщины на Востоке идентифицировались в основном через личные добродетели, определяющие их роли матрон, в то время как женщины на Западе идентифицировались через их статус и роль в обществе.

Выводы

Итак, среди многих даров Планции своему городу мы знаем прежде всего ворота Перге, сложную двухэтажную конструкцию с овальным двором, где в различных нишах размещались различные статуи, а затем монументальную арку со статуями императорской семьи Адриана. Это самое красивое и монументальное сооружение города, составлявшее вход в сам город.

Планция собрала в одном здании олимпийских божеств, мифологических основателей своего города и членов своей семьи, которые были идентифицированы со ссылкой на нее. Однако изображений ее мужа и сына во дворе не было сделано.

В конце внушительного двора находилась огромная тройная арка, ведущая в город, с внушительными статуями римской императорской семьи, в том числе Нервы, Траяна, его жены Плотины, сестры Траяна Марцианы, внуки Траяна Матидии (матери Сабины),

правлящего императора Адриана, его жены Сабины; были также статуи Артемиды Пергеи и гения-хранителя (Тюхе) города.

В арке женских фигур было гораздо больше, чем мужских, и хорошо сохранившаяся статуя императрицы Сабины, по-видимому, является стилистически копией статуи Планции, как будто она видела немного себя в императрице или как будто составляла для нее образец женщины [Boatwright, 1991a, p. 513–540; de Grazia Vanderpool, 2005, p. 12–29].

В великолепном комплексе всё подчеркивало великую связь между Перге и имперским Римом в архитектуре, религии, преданности императору и ценности великой римской культуры.

Планция Магна – исключительный пример благодетельницы, которая сделала доброе дело для своего города, отремонтировав старое оборонительное сооружение у его входа. Это превратило новый комплекс ворот в важный символ гордости города Перге. Это достижение, безусловно, несравнимо по масштабам с деяниями женщин из элиты в других местах.

Все эти факторы, таким образом, показывают положение Планции Магны как уникальной женщины в Римской империи во II веке [Caceres, 2015, p. 3]. В Перге женский эвергетизм превосходит все иные попытки благодеяний посредством общественных работ [Van Bremen, 1996, p. 55].

Планция Магна в своей эвергетической деятельности исключительно сама создавала свою собственную идентичность [Boatwright, 1991, p. 242–278]. Она не только выбирала аудиторию, с которой хотела общаться через двязычные надписи и скульптуры, но и стала важным мостом между Римом и своим городом. Это помогает представить общий уровень благосостояния Римской империи во II веке и оценить уровень включенности провинциальных городов в прямые связи с императорской фамилией.

Список литературы

- Болгов Н.Н. 2021. Перге в Памфилии в римско-ранневизантийский период. В: Общество и власть в контексте истории, политологии, социологии. Воронеж, ВГУ: 238–244.
- Болгов Н.Н., Славогородская Е.П. 2024. Опрамоас из Ликии – крупнейший частный эвергет Римской империи эпохи благоденствия (II в.). В: Via in tempore. История, политология. Т. 51(2): 285–296.
- Ранович А.Б. 1949. Восточные провинции Римской империи в I–III вв. Москва – Ленинград, АН СССР, 264.
- Abbasoğlu H. 2021. The Founding of Perge and its Development in the Hellenistic and Roman Periods. In: Urbanism in Western Asia Minor: New Studies on Aphrodisias, Ephesos, Hierapolis, Pergamon, Perge, and Xanthos, ed. D. Parrish. Michigan, Journal of Roman Archaeology: 172–188.
- Arena G. 2005. Città di Panfilia e Pisidia sotto il dominio romano: continuità strutturali e cambiamenti funzionali. Catania, Edizioni del Prisma, 476.
- Baybo S. 2015. Archaeological Site of Perge. Ankara, MCT, 160.
- Birley A.R. 2003. Hadrian's Travels. In: The Representation and Perception of Roman Imperial Power. Proceedings of the third Workshop of the International Network Impact of Empire (Roman Empire, c. 200 B.C. – A.D. 476). Netherlands Institute in Rome, March 20–23, 2002. Amsterdam: 425–441.
- Birley A.R. 1997. Hadrian. The Restless Emperor. London, Routledge, 400.
- Boatwright M.T. 2003. Hadrian and the Cities of the Roman Empire. Princeton, Princeton University, 239.
- Boatwright M.T. 1991. Plancia Magna of Perge: Women's Roles and Status in Roman Asia Minor. In: Women's History and Ancient History, ed. J. Gardiner, S. Pomeroy. Chapel Hill, University of North Carolina Press: 242–278.
- Boatwright M.T. 1991a. The Imperial Women of the Early Second Century A.D. In: The American Journal of Philology 112, No. 4: 513–540.
- Boatwright M.T. 1993. The City Gate of Plancia Magna in Perge. In: Roman Art in Context: An Anthology, ed. E. D'Ambra. Englewood Cliffs, Prentice Hall: 189–207.
- Bulgurlu S. 1999. Perge Kenti Hellenistik Güney Kapısı ve Evreleri [Perge City Hellenistic South Gate and Its Phases]. Unpublished PhD diss. Istanbul University, 198.
- Caceres B. 2015. Female Munificence – Plancia Magna & The Hellenistic Gate. Unpublished Paper. New York, CUNY Graduate Center, 22.

- Caceres-Cerda B.F. 2018. The Exceptional Case of Plancia Magna: (Re)analyzing the Role of a Roman Benefactress. Master's Thesis. New York, CUNY Graduate Center, 96.
- de Grazia Vanderpool C. 2005. Fashioning Plancia Magna. Memory and Revival in the Greek East during the Second Century A.D. In: *Terra Marique: Studies in Art History and Marine Archaeology in Honor of Anna Marguerite McCann*, ed. J. Pollini. Oxford, Oxbow: 12–29.
- Dmitriev S. 2005. *City Government in Hellenistic and Roman Asia Minor*. Oxford, Oxford University Press, 448.
- Edip Ozgur M. 2016. *Perge. With Sculptures and Flowers*. Ankara, Donmez offset, 156.
- Gatzke A. 2020. The Gate Complex of Plancia Magna in Perge: A Case Study in Reading Bilingual Space. In: *The Classical Quarterly*. 70: 385–396.
- Grainger J.D. 2009. *The Cities of Pamphylia*. Oxford, Oxbow, XII, 255.
- Jameson S. 1965. Cornutus Tertullus and the Plancii of Perge. In: *The Journal of Roman Studies*. 55: 54–58.
- Kearsley R.A. 2005. Women and Public Life in Imperial Asia Minor: Hellenistic Tradition and Augustan Ideology. In: *Ancient West and East* 4, no. 1: 98–121.
- Kritsotakis D. 2008. *Hadrian and the Greek East: Imperial Policy and Communication*. Diss. Columbus, The Ohio State University, 266.
- Magie D. 1950. *Roman Rule in Asia Minor. To the End of the Third Century after Christ*. Vol. I. Princeton, University Press, 723.
- Martini W. 2003. Topographie und Architektur. In: *Die Akropolis von Perge: Survey und Sondagen 1994–1997*, ed. H. Abbasoğlu, M. Wolfram. Mainz, von Zabern: 12–78.
- Mitchell St. 1974. The Plancii in Asia Minor. In: *The Journal of Roman Studies*. 64: 27–39.
- Roueche Ch. 1989. Floreat Perge! In: *Images of Authority: Papers Presented to Joyce Reynolds on the Occasion of her 70th Birthday*, ed. M.M. Mackenzie, Ch. Roueche. Cambridge, Cambridge Philological Society: 206–228.
- Rumscheid J. 2000. Kranz und Krone. Zu Insignien, Siegespreisen und Ehrenzeichen der römischen Kaiserzeit. Tübingen, Wasmuth, 270.
- Sahin S. 1999. *Inschriften Griechischer Städte Aus Kleinasien: Die Inschriften Von Perge, Teil I*, Bonn, Österreichische Akademie der Wissenschaften Nordrhein-Westfälische Akademie der Wissenschaften, 319.
- Sahin S. 2004. *Inschriften Griechischer Städte Aus Kleinasien: Die Inschriften Von Perge, Teil II*, Bonn, Österreichische Akademie der Wissenschaften Nordrhein-Westfälische Akademie der Wissenschaften, XVIII, 221.
- Sahin S. 1996. Perge Kentinin Kurucuları ve Plancia Magna [Founders of Perge City and Plancia Magna]. In: *Adalya*, 1: 45–52.
- Stebnicka K. 2015. M. Antonios Polemon. In: Janiszewski P., Stebnicka K., Szabat E. *Prosopography of Greek Rhetors and Sophists of the Roman Empire*. Oxford, Oxford University Press: 302–304.
- Van Bremen R. 1996. *Limits of Participation: Women and Civic Life in the Greek East in the Hellenistic and Roman Periods*. Amsterdam, J.C. Gieben, 399.
- Wegner M. 1956. *Hadrian, Plotina, Marciana, Matidia, Sabina*. Berlin, Gebr. Mann, 145, XII.
- Zuiderhoek A. 2009. *The Politics of Munificence in the Roman Empire. Citizens, Elites and Benefactors in Asia Minor*. Cambridge, UP, 186.
- Zuiderhoek A. 2011. Oligarchs and Benefactors: Elite Demography and Euergetism in the Greek East of the Roman Empire. In: *Political Culture in the Greek City after the Classical Age. Groningen-Royal Holloway Studies on the Greek City after the Classical Age, II*. Leuven, Peeters: 185–195.
- Zuiderhoek A. 2020. Benefactors and the Poleis in the Roman Empire: Civic Munificence in the Roman East in the Context of the Longue Durée. In: *Benefactors and the Polis. The Public Gift in the Greek Cities from the Homeric World to Late Antiquity*. Cambridge, UP: 222–242.

References

- Bolgov N.N. 2021. Perge v Pamfilii v rimsko-rannevizantijskij period [Perge in Pamphylia in the Roman-Early Byzantine Period]. V: *Obshchestvo i vlast' v kontekste istorii, politologii, sociologii* [Society and Power in the Context of History, Political Science, Sociology]. Voronezh, VGU: 238–244.
- Bolgov N.N., Slavogorodskaja E.P. 2024. Opramoas iz Likii – krupnejshij chastnyj jeverget Rimskoj imperii jepohi blagodenstvija (II v.) [Opramoas of Lycia is the Largest Private Euergete of the Roman Empire during the Period of Prosperity (2nd Century)]. *Via in tempore. History, political science*. Т. 51(2): 285–296.
- Ranovich A.B. 1949. *Vostochnye provincii Rimskoj imperii v I–III vv.* [Eastern Provinces of the Roman Empire in the 1st–3rd Centuries]. Moscow – Leningrad, AN SSSR, 264.

- Abbasoğlu H. 2021. The Founding of Perge and its Development in the Hellenistic and Roman Periods. In: *Urbanism in Western Asia Minor: New Studies on Aphrodisias, Ephesos, Hierapolis, Pergamon, Perge, and Xanthos*, ed. D. Parrish. Michigan, Journal of Roman Archaeology: 172–188.
- Arena G. 2005. Città di Panfilia e Pisidia sotto il dominio romano: continuità strutturali e cambiamenti funzionali. Catania, Edizioni del Prisma, 476.
- Baybo S. 2015. Archaeological Site of Perge. Ankara, MCT, 160.
- Birley A.R. 2003. Hadrian's Travels. In: *The Representation and Perception of Roman Imperial Power. Proceedings of the third Workshop of the International Network Impact of Empire (Roman Empire, c. 200 B.C. – A.D. 476)*. Netherlands Institute in Rome, March 20–23, 2002. Amsterdam: 425–441.
- Birley A.R. 1997. Hadrian. The Restless Emperor. London, Routledge, 400.
- Boatwright M.T. 2003. Hadrian and the Cities of the Roman Empire. Princeton, Princeton University, 239.
- Boatwright M.T. 1991. Plancia Magna of Perge: Women's Roles and Status in Roman Asia Minor. In: *Women's History and Ancient History*, ed. J. Gardiner, S. Pomeroy. Chapel Hill, University of North Carolina Press: 242–278.
- Boatwright M.T. 1991a. The Imperial Women of the Early Second Century A.D. In: *The American Journal of Philology* 112, No. 4: 513–540.
- Boatwright M.T. 1993. The City Gate of Plancia Magna in Perge. In: *Roman Art in Context: An Anthology*, ed. E. D'Ambra. Englewood Cliffs, Prentice Hall: 189–207.
- Bulgurlu S. 1999. Perge Kenti Hellenistik Güney Kapısı ve Evreleri [Perge City Hellenistic South Gate and Its Phases]. Unpublished PhD diss. Istanbul University, 198.
- Caceres B. 2015. Female Munificence – Plancia Magna & The Hellenistic Gate. Unpublished Paper. New York, CUNY Graduate Center, 22.
- Caceres-Cerda B.F. 2018. The Exceptional Case of Plancia Magna: (Re)analyzing the Role of a Roman Benefactress. Master's Thesis. New York, CUNY Graduate Center, 96.
- de Grazia Vanderpool C. 2005. Fashioning Plancia Magna. Memory and Revival in the Greek East during the Second Century A.D. In: *Terra Marique: Studies in Art History and Marine Archaeology in Honor of Anna Marguerite McCann*, ed. J. Pollini. Oxford, Oxbow: 12–29.
- Dmitriev S. 2005. City Government in Hellenistic and Roman Asia Minor. Oxford, Oxford University Press, 448.
- Edip Ozgur M. 2016. Perge. With Sculptures and Flowers. Ankara, Donmez offset, 156.
- Gatzke A. 2020. The Gate Complex of Plancia Magna in Perge: A Case Study in Reading Bilingual Space. In: *The Classical Quarterly*. 70: 385–396.
- Grainger J.D. 2009. The Cities of Pamphylia. Oxford, Oxbow, XII, 255.
- Jameson S. 1965. Cornutus Tertullus and the Plancii of Perge. In: *The Journal of Roman Studies*. 55: 54–58.
- Kearsley R.A. 2005. Women and Public Life in Imperial Asia Minor: Hellenistic Tradition and Augustan Ideology. In: *Ancient West and East* 4, no. 1: 98–121.
- Kritsotakis D. 2008. Hadrian and the Greek East: Imperial Policy and Communication. Diss. Columbus, The Ohio State University, 266.
- Magie D. 1950. Roman Rule in Asia Minor. To the End of the Third Century after Christ. Vol. I. Princeton, University Press, 723.
- Martini W. 2003. Topographie und Architektur. In: *Die Akropolis von Perge: Survey und Sondagen 1994–1997*, ed. H. Abbasoğlu, M. Wolfram. Mainz, von Zabern: 12–78.
- Mitchell St. 1974. The Plancii in Asia Minor. In: *The Journal of Roman Studies*. 64: 27–39.
- Roueche Ch. 1989. Floreat Perge! In: *Images of Authority: Papers Presented to Joyce Reynolds on the Occasion of her 70th Birthday*, ed. M.M. Mackenzie, Ch. Roueche. Cambridge, Cambridge Philological Society: 206–228.
- Rumscheid J. 2000. Kranz und Krone. Zu Insignien, Siegespreisen und Ehrenzeichen der römischen Kaiserzeit. Tübingen, Wasmuth, 270.
- Sahin S. 1999. Inschriften Griechischer Städte Aus Kleinasien: Die Inschriften Von Perge, Teil I, Bonn, Österreichische Akademie der Wissenschaften Nordrhein-Westfälische Akademie der Wissenschaften, 319.
- Sahin S. 2004. Inschriften Griechischer Städte Aus Kleinasien: Die Inschriften Von Perge, Teil II, Bonn, Österreichische Akademie der Wissenschaften Nordrhein-Westfälische Akademie der Wissenschaften, XVIII, 221.
- Sahin S. 1996. Perge Kentinin Kurucuları ve Plancia Magna [Founders of Perge City and Plancia Magna]. In: *Adalya*, 1: 45–52.

- Stebnicka K. 2015. M. Antonios Polemon. In: Janiszewski P., Stebnicka K., Szabat E. Prosopography of Greek Rhetors and Sophists of the Roman Empire. Oxford, Oxford University Press: 302–304.
- Van Bremen R. 1996. Limits of Participation: Women and Civic Life in the Greek East in the Hellenistic and Roman Periods. Amsterdam, J.C. Gieben, 399.
- Wegner M. 1956. Hadrian, Plotina, Marciana, Matidia, Sabina. Berlin, Gebr. Mann, 145, XII.
- Zuiderhoek A. 2009. The Politics of Munificence in the Roman Empire. Citizens, Elites and Benefactors in Asia Minor. Cambridge, UP, 186.
- Zuiderhoek A. 2011. Oligarchs and Benefactors: Elite Demography and Euergetism in the Greek East of the Roman Empire. In: Political Culture in the Greek City after the Classical Age. Groningen-Royal Holloway Studies on the Greek City after the Classical Age, II. Leuven, Peeters: 185–195.
- Zuiderhoek A. 2020. Benefactors and the Poleis in the Roman Empire: Civic Munificence in the Roman East in the Context of the Longue Durée. In: Benefactors and the Polis. The Public Gift in the Greek Cities from the Homeric World to Late Antiquity. Cambridge, UP: 222–242.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 28.02.2025

Received 28.02.2025

Поступила после рецензирования 10.04.2025

Revised 10.04.2025

Принята к публикации 12.04.2025

Accepted 12.04.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Болгов Николай Николаевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник НИИ истории и археологии Византии и Причерноморья, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Россия; профессор кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0003-0478-5565](https://orcid.org/0000-0003-0478-5565)

Nikolay N. Bolgov, Doctor of Sciences in History, Professor, Chief Researcher, Research Institute of the History and Archaeology of Byzantium and the Black Sea Region, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia; Professor, Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Кропочева Татьяна Сергеевна, аспирант кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0009-0000-0132-4160](https://orcid.org/0009-0000-0132-4160)

Tatyana S. Kropocheva, Postgraduate Student of Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94(3-924.71)"04/05"

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-2-306-315

EDN ATHLSB

Оригинальное исследование

Население позднеантичного Херсонеса в IV–V вв.

Фомин М.В.

Севастопольский государственный университет,
Россия, 299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33;
E-mail mike.v.fomin@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются изменения в этническом составе жителей позднеантичного Херсонеса. В IV–V вв. происходил процесс трансформации позднеантичного города в ранневизантийский центр. Частью его были глобальные изменения, в том числе и в этническом составе населения города. Влияние местного греческого населения, потомков колонистов-основателей постепенно уменьшалось. В городе появляются мигранты из различных регионов, их количество и влияние постепенно растет. Среди горожан формируется община малоазийских греков, начинается проникновение сармат, вместе с римскими войсками пришли выходцы с Дунайских провинций, существовала иудейская диаспора. В 80-е гг. IV в. происходит резкое увеличение сарматской составляющей. Письменные источники позволяют связать это с конфликтом между христианами и язычниками в городе. Распространение христианства среди горожан обострило противоречие между местной аристократией и диаспорами мигрантов. В ответ на гонения против христиан были высланы лидеры языческой партии. На их место заселены «верные» из числа крещенных жителей Таврики. Это привело к значительным переменам не только в социальной и политической ситуации в городе, но и в этническом составе населения.

Ключевые слова: Херсонес, христианство, Херсонесская епархия, Римская империя, некрополь, погребальные сооружения

Для цитирования: Фомин М.В. 2025. Население позднеантичного Херсонеса в IV–V вв. *Via in tempore. История. Политология*, 52(2): 306–315. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-2-306-315. EDN: ATHLSB

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

The Population of Late Antique Chersonesos in the 4th and 5th Centuries

Mikhail V. Fomin

Sevastopol State University,
33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russia
E-mail mike.v.fomin@gmail.com

Abstract. The article examines changes in the ethnic composition of the inhabitants of late antique Chersonesos. In the 4th – 5th centuries, the process of transformation of the late antique city into an early Byzantine center took place. Global changes were a part of transformational process, including the ethnic composition of the city's population. The influence of the local Greek population, descendants of the founding colonists, gradually diminished. Migrants from various regions appeared in the city, their number and influence gradually grew. A community of Asia Minor Greeks formed among the townspeople, the penetration of the Sarmatians began, people from the Danube provinces came with the Roman troops, and there was a Jewish diaspora. In the 80s of the 4th century, there was a sharp increase in the Sarmatian component. Written sources allow us to connect this with the conflict between Christians and pagans in the city. The spread of Christianity among the townspeople exacerbated the contradiction between the local aristocracy and the diasporas